

Черная ночь.

Лишь широкое белое поле цветущей гречихи освещает ее. Кажется, что оно будто в хлопьях снега. Хотя и слабый, но свет все же есть. Над белыми хлопьями гречихи видны блуждающие огоньки светлячков. Красивый пустынный пейзаж. В самом центре поля воткнут огромный меч, изъеденный ржой и потемневший от времени. Издалека подлетает белая бабочка. От порхания ее крыльев начинает дуть ветер. Цветущая гречиха колыхается и становится похожей на разбивающиеся с пеной морские волны. Бабочка легко садится на меч. До этого тихое поле начинает наполнять громкий гул. Это гудит меч. Все вокруг сотрясается, меч преображается, он объят иссиня-белым пламенем, и Дух говорит мечу:

«Только невеста Гоблина сможет освободить его от меча. И когда меч будет извлечен, ты сможешь вернуться в Ничто и обрести покой».

ГЛАВА 1

Романтическое
заклятье

Небеса, хоть хмурые, хоть ясные, не предвещают добра. Хорошая судьба не привела бы на поле битвы, где люди стонали и проливали свою кровь. Но для него, все-таки выжившего в бою, это поле стало местом, где он, смеясь, проливал чужую.

Он убивал многих.

Вот и на этом поле он останется победителем, богом войны. Люди называли его божеством. Верховный бог войны эпохи Корё*, Ким Син**, просто вел подсчет убитым.

Руки двигались сами, одним взмахом меча перерезая глотки врагам. Кровь одного врага на лезвии его клинка смывалась кровью следующего.

Вокруг, куда ни глянь, смерть выкашивала всех — и своих, и чужих. Невинных людей разрывало на куски, они кричали. Для бессловесных животных все было еще чудовищнее: вой умирающей лошади с оторванными ногами был жуток. Вдалеке над присыпанными человеческими телами и тушами животных кружила стая воронья. Они ковыряли землю клювами и клевали трупы.

* Корё — название корейского государства с 918 по 1392 гг.

** Запись корейских имён приводится в редакторской версии.

«Может, они расклюют и мое тело и душу?» — в нем промелькнуло что-то вроде сожаления. Но разве это все было ради него самого? «Это же ради моей страны, ради Корё. И ради богов этой страны, ради моего государя».

Ким Син снова с криком устремился на врага. Волнения не было. Нужно просто рубить этого. И этого. И вот того. Ведь он божество во плоти. Среди ясного неба ударил гром. Под вспышками молнии знамя кочевников было объято пламенем, а знамя Корё победно развевалось на ветру.

— Генерал Ким Син!

— Да здравствует генерал Ким Син!

Многотысячная армия снова возвращалась в страну его государя, страну его короля. Лошади, уцелевшие в битвах, устало цокали подковами. И все же на душе было радостно. Хотя были и те, кто не вернулся с войны, но главное, что вернулся Ким Син. Вот потому народ и выкрикивал, ликуя, его имя. Генерал Ким Син, который смог их всех защитить, держался в седле прямо, его длинные волосы спадали на плечи.

Перед воротами крепостной стены, окружавшей столицу, стояли стражники. Израненные воины Ким Сина не сомневались, что перед ними, сражавшимися с врагами и победившими врагов, ворота тут же распахнутся настежь. Они спешили и зычно прокричали:

— Открывай ворота! Генерал Ким Син вернулся с победой!

Поразительно, но его, полководца и полного генерала, перед воротами встречал какой-то сотник, мелкий офицер седьмого разряда:

— Ким Сину снять доспехи, разоружиться и выслушать волю короля!

Один из боевых командиров, стоявший рядом с генералом, заорал на сотника во всю мощь своей глотки:

— Ты что, скотина! Ты хоть понимаешь, перед кем стоишь и с кем разговариваешь?

Он выхватил меч, но Ким Син остановил его своей здоровой правой рукой. Полководец теперь уже по-другому смотрел на ситуацию: он понял, для чего стоят солдаты перед городской стеной.

— Ким Син, за измену королю — сдать оружие! Стань на колени и слушай высочайший указ!

Измена. Он сказал «измена королю». В его тонущих от огромной усталости зрачках начало расти беспокойство. Стоявшие рядом с Ким Сином закричали:

— Мерзавец! Да ты точно спятил!

Приказ короля. Этого не может быть. Не должно. Ведь именно по его приказу они сражались и вернулись домой.

Стоило Ким Сину пошевелиться, как стоящие на крепостной стене лучники тут же все как один натянули тетиву и нацелились на него.

— Преступник Ким Син!

Этого не может быть. Не может быть такого приказа, чтоб на него направляли стрелы. А точно ли это приказ короля?

— Я сам поговорю с государем. Дай дорогу!

Ким Син сделал шаг вперед, но ни солдаты на стенах, ни стража перед воротами не отступили. Народ, только что выкрикивавший его имя, замер, затаив дыхание. Генерала словно обдало горячей волной, поднимающейся откуда-то снизу, от ног.

— Помешаешь — и я тебя убью! С дороги!

И в тот же момент, когда он выхватил меч, в него — вжух-вжух, — со свистом разрезая воздух, полетели стрелы. Солдаты за его спиной ничего поделать не могли и, едва успев вскрикнуть от удивления, падали замертво. Те стрелы, что пролетали мимо солдат, втыкались в землю. Тем, кому не досталось легкой смерти, захлебывались собственной кровью.

Они три дня и три ночи бились с жестоким врагом лицом к лицу и выстояли. И вот теперь смерть настигала их здесь, и погибают они зазря, даже не успев схватиться за рукоять меча. Клинок в руке у генерала задрожал. Он должен был защитить своих солдат, оставшихся за его спиной. Увидев, как городские ворота медленно открываются, он в одиночку пошел вперед. С каждым шагом его все больше и больше обуревал гнев.

У дворца он замедлил шаг. Перед воротами стояла королева. Прекрасная супруга государя была сестрой Ким Сина, единственной сестрой. Изящные руки королевы плотно сжимали края юбки. В ее глазах стояли слезы. Ким Син остановился, поднял взгляд и внимательно осмотрел все вокруг. Вся его семья, все родные и даже слуги стояли на коленях — связанные и в одежде арестантов. По их изможденному виду было понятно, что они подвергались пыткам.

Он был в ярости, в него летели стрелы, но только сейчас ему стало ясно то, чего он никак не понимал раньше: это сам король отверг Ким Сина. «Вот он, мой молодой король, мой государь, сидит на высоком троне, там, вверху, в своем дворце».

— Над народом — король, над королем — боги. И таким божеством называют Ким Сина*. — Змеиный язык клеветника наушничал королю, и в глазах государя уже был виден растущий гнев на генерала. И замешательство было в его глазах. Хоть Ким Син и был самым верным слугой королю, но он же был и самой большой угрозой. Горящие глаза Ким Сина всегда были самыми преданными, но теперь и в глаза «самых преданных» людей в мире король всматривался пристальнее. — Его бесконечные победы искушают народ, а его растущий авторитет снова и снова делает королевскую семью посмешищем. Прошу поступить с ним по всей строгости закона нашей страны.

Ким Син покачал головой. Но и без того король уже принял решение и с силой сжал кулаки.

— Неужто вы, государь, и вправду способны на такое? — Прерывающийся голос Ким Сина был жуток. Генерал побывал в бесчисленных сражениях и слышал много боевых кличей, но и они были не так ужасны, как его собственный голос в этот момент.

— Не приближайся! Что бы ты ни задумал — остановись! Просто умри, как изменник. Тогда все остальные останутся живы. — Молодой король на миг отвел

* Игра слов: по-корейски «син» (神) означает «божество», «дух».